

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ**

На правах рукописи

Батищев Роман Юрьевич

**Война как предмет политики памяти:
теоретико-методологические аспекты**

5.5.1. – История и теория политики

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Москва – 2023

Работа выполнена на кафедре истории и теории политики факультета политологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель **Аникин Даниил Александрович,**
кандидат философских наук, доцент

Официальные оппоненты **Белов Сергей Игоревич,**
доктор политических наук,
доцент кафедры российской политики факультета
политологии ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет имени М.В.
Ломоносова»

Белозёров Василий Клавдиевич,
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии Института
международных отношений и социально-
политических наук ФГБОУ ВО «Московский
государственный лингвистический университет»

Казаринова Дарья Борисовна,
кандидат политических наук, доцент, доцент
кафедры сравнительной политологии факультета
гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО
«Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы»

Защита диссертации состоится 1 ноября 2023 года в 15 час 00 мин на заседании диссертационного совета МГУ.055.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский»), факультет политологии, аудитория Г-630.

E-mail: dissovet.msu@mail.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/055.2/2613>

Автореферат разослан «___» _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета МГУ.055.2,
кандидат политических наук,
доцент

А.В. Абрамов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Изучение проблем исторической памяти и политики памяти зачастую сопрягается с тематикой обращения к образам войны и военного прошлого. Кроме того, на современном этапе в междисциплинарном комплексе memory studies наиболее сложные и актуальные проблемы как в теоретико-методологическом плане, так и в контексте политических процессов связаны с травмирующим опытом прошлого (насильственными действиями со стороны или в адрес тех или иных социальных групп), что также часто имело форму вооружённых столкновений и боевых действий. Поэтому войны и вооружённые конфликты занимают особое место в конструировании и репрезентации образов прошлого. В научной литературе получили освещение проблемы использования отдельных образов войны в том или ином политическом контексте, однако слабо изученными остаются теоретико-методологические аспекты обращения к образам войны в политике памяти и специфики встраивания / исключения войны из «актуального прошлого».

При всём обилии различных определений и коннотаций термина «война» в рамках данной работы под войной будет пониматься определение «военного конфликта», сформулированное в Военной доктрине Российской Федерации, согласно которой «военный конфликт – форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты)»¹. В данном случае под понятием «военный конфликт» объединяются понятия «классической» войны как организованной вооружённой борьбы между независимыми суверенными государствами и «вооружённого конфликта» как «столкновения ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства

¹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976).

(внутренний вооруженный конфликт)»². При всей критике объединения этих понятий и существующего в нормативно-правовых документах России (и заимствованных с запада) понятия «военный конфликт»³, можно отметить, что с точки зрения *memory studies* возможно говорить о слиянии понятий «война» и данного выше понятия «военный конфликт», поскольку в массовом историческом сознании формальные юридические определения тех или иных форм боевых действий не оказывают существенного влияния на восприятие всех этих событий как войны. Так, военные действия США и их союзников в Афганистане, начатые в 2001 году (операция «Несокрушимая свобода»), являются де-юре «вооружённым конфликтом», но де-факто в официальных СМИ и академических работах часто именуется как *War on terror*⁴. Боевые действия российских войск на территории Чеченской республики де-юре носили названия «операция по восстановлению конституционного порядка» (1994 – 1996 годов) и «контртеррористическая операция в Чечне» (1999 – 2000 годов), де-факто вошли в историю под названием Первой и Второй чеченских войн.

Тем самым, в памяти людей войнами являются и мировые войны, и локальные вооружённые конфликты. Восприятие опыта боевых действий, а также потерь, разрушений, утраты, военных преступлений и прочих травмирующих событий, являющихся следствием боевых действий, формирует ту специфику памяти о войнах, которая и выступает предметом многочисленных исследований. В академической литературе по *memory studies*, при безусловно разных подходах к коммеморациям войн «классических» (или войн прошлого) и войн современных, используются общие термины «память о войне» (*war memory*) и «военные коммеморации» (*war commemorations*).

² Там же.

³ Морозова Е.А. Война и вооруженный конфликт - границы определений // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 224-228.; Мишкуро М.А. Соотношение понятий «война» и «вооруженный конфликт» в международном гуманитарном праве // Молодой ученый. 2016. № 8 (112). С. 763-765; Казарин П.С. О соотношении понятий «война» и «вооружённый конфликт» // Вестник военного образования (12.11.2018) URL: <https://vvo.ric.mil.ru/Stati/item/155699/> (дата обращения: 14.10.2021).

⁴ *Memory and the Wars on Terror. Australian and British perspectives* / Gildersleeve J., Gehrman R. (eds). Palgrave Macmillan Memory Studies. 2017. 283 p. DOI: 10.1007/978-3-319-56976-5

Поскольку данная работа касается событий, характеризующихся прямым военным столкновением разных сторон, выводы данного исследования не будут затрагивать такие понятия, как «гибридная война», «информационно-психологическая война» и ряд других (где речь не идёт о применении летальных вооружений и прямых столкновениях комбатантов на поле боя), а также «холодная война» или «ядерная война», несмотря на то, что события, описываемые этими концептами, находят своё отражение в историческом сознании⁵.

Степень разработанности проблемы. Достаточно широкое освещение тематика войны в политике памяти (особенно применительно к событиям Второй мировой войны и военным преступлениям нацизма) получила в западной литературе.

Подчёркивая важное место памяти о войнах в коммеморации прошлого, французский историк, представитель школы анналов П. Нора делает акцент на том, что исторические травмы, связанные с войной, способны разорвать единую нить истории и значительно сместить акценты коллективного воспоминания тех или иных событий, обращая фокус социальной памяти на совершенно другие субъекты. По мнению исследователя, Вторая мировая война тотально разрывает единство прошлого и подрывает идеализацию государства и нации, смещая акценты от национального государства к самому обществу. Кроме того, Нора одним из первых отметил тенденцию на отход от глобальных исторических нарративов в сторону семейной памяти и локальных историй⁶.

В данном исследовании необходимо обращение к теоретическим разработкам исследований исторической травмы, т.н. *trauma studies*, поскольку в

⁵ *Узнародов И.М.* Память о «холодной войне» как один из факторов политики Европейского Союза в отношении России // Научная мысль Кавказа. 2015. №1 (81). С. 58 - 69.; *Neal A.* Nuclear War and Popular Culture // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration. / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 92 – 105.; В Питерской Вышке запустили сайт проекта о наследии и памяти холодной войны в Петербурге // Сайт НИУ ВШЭ URL: <https://spb.hse.ru/news/368075422.html> (дата обращения: 14.10.2021)

⁶ *Нора П.* Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 325 с.

ряде случаев война и воспоминания о ней могут выступать частным случаем исторической травмы. В трактовке исторической травмы сложилось два основных направления – психоаналитическое (К. Карут, Д. ЛаКапра, Ф. Анкерсмит) и социологическое (Р. Айерман, П. Штомпка, Н. Смелзер). Психоаналитический подход к анализу исторической травмы применим при рассмотрении психологических и социально-психологических аспектов исторической травмы: восприятие травмирующего события в индивидуальных и коллективных представлениях, трактовка свидетельств очевидцев, (де)травматизация событий и реализация стратегии медикализации травмы и т.д.⁷. Социологический подход обращает внимание на социальную обусловленность исторической травмы, на возможности её (де)конструирования⁸, в том числе с применением властно-политических механизмов (т.е. механизмов реализации политики памяти).

Методологию исследования исторической травмы, наиболее близкую к данному исследованию, применяет исследователь культурных травм Дж. Александер. Его позиция «умеренного конструктивизма» связывает культурную травму с этическими категориями сострадания, ответственности и т.д. Дж. Александер выделяет социальные рамки, социальный контекст формирования и переживания культурной травмы, подчёркивает важность «символических механизмов» травматизации прошлого (например, говоря о складывании особых ритуалов вокруг культурной травмы). Теоретические выкладки Дж. Александера снабжены обширным эмпирическим материалом, большая часть которого как раз связана с войнами и вооружёнными столкновениями. Война и военные события, по мысли Дж. Александера, становятся не только основными причинами культурных травм, но и катализаторами научных исследований в этой области⁹.

⁷ Caruth C. *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History*. Baltimore, 1996. 167 p.

⁸ *Cultural Trauma and Collective Identity*. Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, and Piotr Sztopka. Berkeley, CA, and London, UK: University of California Press. 2004; Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. С. 42–54.

⁹ Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012, №3. С. 6 – 40

Особый интерес в рамках данного исследования представляют работы немецкого историка Й. Рюзена, рассматривавшего стратегии работы над травмирующим историческим опытом и кризисами исторического сознания, в том числе, посредством «повторной травматизации» - вписывания травмы в историю таким образом, при котором травма не теряет своей эмоциональной компоненты, не превращается в банальный миф или в обыденный порядок вещей¹⁰.

Место войны в формировании мемориальной культуры, в частности, послевоенной общеевропейской культуры памяти, преодолевающей национальные нарративы, а также вопросы противостояния мемориальной культуры и исторической политики (как формы навязывания тех или иных государственных репрезентаций истории) рассмотрены в работах А. Ассман¹¹. Однако использование методологического инструментария А. Ассман в рамках данной работы, при её частом обращении к тематике войн, затруднено в силу нечёткого различения основных теоретических концептов и категорий.

Травматическая память о войнах как часть «памяти жертв» и, соответственно, как основа для межкультурного диалога между различными жертвенными нарративами рассматривается в концепции «разнонаправленной памяти» М. Ротберга¹².

Рассмотрение основных моделей политики памяти о войнах опирается на классификацию «способов памятования» (mode of remembrance), предложенную

¹⁰ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Выпуск 7. С. 8 – 27.; Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005. С. 38 – 62.

¹¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.; Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.; Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпоральной культуры Модерна / Пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. английских цитат Д. Тимофеева. М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 272 с.

¹² Rothberg M. Multidirectional memory: remembering the Holocaust in the age of decolonization / Michael Rothberg. Stanford University Press, Stanford, California. 2009. 403 p.

А. Буль и Х. Хансеном¹³, а также на концепцию агонизма в политике, разработанную Ш. Муфф¹⁴.

Тематика войны в политике памяти с неизбежностью затрагивает исследования символической политики. Рассмотрение символических действий и их влияния на реальную политику будет опираться на топологическую теорию П. Бурдьё¹⁵.

Тема военных коммемораций в политическом контексте, их политического значения и трансформаций является хорошо изученной в западной академической литературе. Среди наиболее крупных исследователей темы военных коммемораций в данном аспекте стоит выделить американских военных историков Дж. Мосса¹⁶, С. Эдвардса¹⁷, Дж. Уинтера¹⁸. В России политологические аспекты рассмотрения военных коммемораций представлены в работах историка К.А. Пахалюка¹⁹.

¹³ Bull A., Hansen H. On agonistic memory // *Memory Studies*. 2016. vol. 9, no. 4. pp. 390 – 404 <https://doi.org/10.1177/1750698015615935> ; Bull A., Hansen H., Kansteiner W., Parish N. War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints // *International Journal of Heritage Studies*. 2018. 15 p. DOI: 10.1080/13527258.2018.1530288

¹⁴ Mouffe C. On the political / Chantal Mouffe. London: Routledge. 2005. 160 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203870112>; Mouffe C. *Agonistics: Thinking the World Politically*. London: Verso. 2013. 149 p.

¹⁵ Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.; Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // *Начала*. Choses dites: Пер. с фр. Шматко Н.А. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

¹⁶ Moss G.L. *Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford University Press, Oxford, New York, 1990. 276 p.

¹⁷ Edwards S. *Allies in Memory. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration, c. 1941–2001*. Cambridge University Press, 2015. 314 p.; Edwards S. *Commemoration and Consumption in Normandy, 1945—1994* // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 76 – 92.

¹⁸ Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge UP, 1999.; Winter J. *Remembering war: the Great War between memory and history in the twentieth century*. New Haven: Yale University Press; 2006. 347 p.; Winter J. *War Beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2017. 234 p.; Уинтер Дж. Война, память, воспоминание // *Диалог со временем*. 2016. № 56. С. 5–15.

¹⁹ Пахалюк К.А. Политика памяти как ценность и дискурс // *Новое прошлое / The New Past*. 2020. № 4. С. 232-239. DOI 10.18522/2500-3224-2020-4-232-239. ; Пахалюк К. А. Дискурсивные основания юбилейной коммеморации первой мировой войны в современной России // *PolitBook*. 2016. № 4. С. 109 – 131.; Пахалюк К.А. Преподавание военной истории в зарубежном академическом дискурсе (на основе обзора материалов журнала *Journal of educational media*,

В отечественных социогуманитарных науках тема исследования войны как предмета политики памяти и важного компонента массового исторического сознания была и остаётся актуальной в силу фундаментального значения, прежде всего, Великой Отечественной войны в памяти населения России и в политическом контексте. В рамках данного исследования фундаментальное значение имеет рассмотрение появления, функционирования и трансформации т.н. «мифа о войне» (официального изложения и оценки Великой Отечественной войны) в политике памяти современной России, чему посвящены работы российских исследователей Н.Е. Копосова²⁰, О.Ю. Малиновой²¹, А.Ю. Бубнова²².

Важно обратиться к результатам ряда социологических, социально-философских и политологических исследований, посвящённых специфике образов Великой Отечественной войны в различных аспектах медийного пространства и у разных мнемонических акторов²³.

memory, and society) // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей / Российское военно-историческое общество, Институт истории и политики МПГУ: ООО «Нестор-История», 2018. С. 13 – 46.; *Пахалюк К.А.* Образы войны в современной культуре // Барабанов О., Пахалюк К., Уль М. Не забудем, но простим? Образы войны в культуре и исторической памяти. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., май 2020. С. 7 – 29.

²⁰ *Копосов Н.Е.* Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.

²¹ *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.; *Малинова О.Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз» (журнал политической философии и социологии политики), 2017, №4 (87). С. 6 – 22.

²² *Бубнов А.Ю.* Формирование памяти о Великой Отечественной войне в СССР и России // Провинциальные научные записки. 2021. № 1(13). С. 105 – 109.

²³ *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Историческое сознание молодёжи // Вестник Российской академии наук. Том 80. №3. М., 2010. С. 195 – 203; *Головашина О.В., Линченко А.А., Аникин Д.А.* Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 123 – 133; *Аникин Д.А.* Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. 2020. №1. 24 с.; *Аникин Д.А., Бубнов А.Ю.* Политика памяти в сетевом пространстве: Интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. №1 (53). С. 19 – 28. DOI: 10.35775/PSI.2020.53.1.002 ; *Белов С.И.* Videоблогеры как актор политики памяти: влияние кинообзоров на восприятие российского исторического кино // Информационные войны. 2019. №1 (49). С. 89 – 94.; *Бубнов А.Ю., Комплеев А.В.* Российско-немецкая «война памяти»: анализ современной онлайн дискуссии о Великой Отечественной войне // Наука. Общество. Оборона. 2020. №2 (23) DOI: 10.24411/2311-1763-2020-10233

Важное значение имеют работы, посвящённые анализу политики памяти в России в условиях «мемориальных войн», в центре которых находятся кардинально разные оценки событий Второй мировой войны в России и за рубежом, чему посвящены работы российского историка А.И. Миллера²⁴. Российская политика памяти в условиях «мемориальных войн» рассматривается в работах Д.А. Аникина и А.А. Линченко²⁵, А.В. Комплеева²⁶, О.В. Головашиной²⁷, А.Ю. Бубнова²⁸.

Отдельная категория отечественных исследований памяти о войне посвящена рассмотрению памяти о локальных вооружённых конфликтах (прежде всего, об участии советских войск в войне в Афганистане и о чеченских кампаниях). Авторы этих исследований приходят к выводу о принципиальном отличии между Великой Отечественной войной и локальными вооружёнными конфликтами в мемориальном пространстве, кроме того, рассматривают теоретические вопросы детравматизации памяти об этих событиях. К числу этих

²⁴ Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. Т 13. № 3 – 4. 2009. С. 6 – 23; Миллер А.И. Лабиринты исторической политики. Прошлое России и попытка самоидентификации. // Россия в глобальной политике, Том 9, №3, май – июнь 2011. М.: Фонд исследований мировой политики. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века. // Миллер А., Липман М. (ред.) Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение. 2012. С. 7 – 32; Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и её воздействие на европейскую культуру памяти // Полития: анализ, хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2016, №1 (80). М.: Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». С. 111 – 121.

²⁵ Аникин Д. А., Линченко А.А. Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронта: в поисках методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С.55-63. DOI 10.17223/15617793/466/6.; Линченко А.А. «Несоюзное государство»: Республика Беларусь в мемориальных войнах Восточной Европы // Социодинамика. – 2021. – № 8. – С. 66-84. – DOI 10.25136/2409-7144.2021.8.35187.

²⁶ Комплеев А.В. Исторические сюжеты современных мемориальных войн на постсоветском пространстве // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 1. С. 53–58.; Комплеев А.В. Исторические сюжеты современных мемориальных войн на постсоветском пространстве // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 1. С. 53-58. DOI 10.15826/tetm.2021.1.007.

²⁷ Головашина О.В. «Мемориальные войны»: между метафорой и концептом // Tempus et Memoria. 2021. Т.2. №1. С. 43-52. DOI 10.15826/tetm.2021.1.006.; Головашина О.В. Поле битвы – память: мемориальное законодательство на постсоветском пространстве // Право: история и современность. – 2021. № 2(15). С. 19-28. DOI 10.17277/pravo.2021.02.pp.019-028.

²⁸ Бубнов А.Ю, Савельева М.А. Память о Великой Отечественной войне в Беларуси как пространство «мемориальных войн» (на примере анализа онлайн-дискуссии) // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. №3(67) С. 663 – 674. DOI: 10.35775/PSI.2021.67.3.008.

авторов относятся Н.Ю. Данилова²⁹, Е.Ю. Рождественская³⁰, Ф.В. Николаи и И.И. Кобылин³¹.

Таким образом, при обилии различных исследований военных коммемораций и отдельных «кейсов», посвящённых политическому использованию памяти о той или иной войне, довольно слабо изученной остаётся сама специфика обращения к военному прошлому в рамках той или иной политики памяти.

Цель и задачи диссертационного исследования. *Цель диссертационного исследования* – разработка теоретико-методологической модели для рассмотрения военных событий прошлого как специфических предметов политики памяти. Данная модель будет обладать необходимым исследовательским потенциалом для рассмотрения конкретных войн и военных событий в политике памяти современных государств и других влиятельных политических (мнемонических) акторов.

Для достижения указанной цели необходимо выдвинуть следующие *задачи исследования*:

²⁹ Данилова Н.Ю. Мемориальная версия Афганской войны (1979-1989 годы) // Неприкосновенный запас. № 2–3 (40–41), 2005. С. 149 – 161.; *Danilova Nataliya. The politics of war commemoration in the UK and Russia / Nataliya Danilova. University of Aberdeen, UK, 2015. 272 p. (Palgrave Macmillan memory studies); Данилова Н.Ю. Срочники, пиджаки, профессионалы: мужественности участников постсоветских войн // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. №. 2. С. 110 – 126.*

³⁰ Рождественская Е.Ю., Тартаковская И.Н. Пространство памяти в «Афганском» музее: попытки договориться с прошлым // *Inter*, №6. 2011. С. 103 – 117.; Рождественская Е., Семёнова В. Социальная память как объект социологического изучения // *INTER*. 2011. №6. С. 32 – 33; Рождественская Е.Ю. Виртуализация памяти об Афганской войне // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 2. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 128 – 137.

³¹ Николаи Ф.В., Кобылин И.И. Переопределяя границы сообщества: культурная память, травма, биополитика // *История и историческая память*. 2014. №9. С. 90 – 103; Николаи Ф.В., Кобылин И.И. Американские trauma studies и пределы их транзитивности в России // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2017. №5 (120). С. 115 – 136; Николаи Ф.В., Михеева Н.С. Война в Афганистане в освещении газеты «Красная звезда». Эволюция языка описания прошлого // *Центр и периферия*. 2019. №2. С. 41 – 45; Кобылин И.И., Николаи Ф.В. «Здесь был русский Ваня»: юмор, ирония и армейская иерархия в воспоминаниях ветеранов локальных войн // *Уральский исторический вестник*. 2019. №3 (64). С. 116 – 125.

1. Проанализировать основные подходы к понятию «политика памяти», их методологические особенности исследования, в том числе, событий военного прошлого.
2. Рассмотреть специфику образов войны в основных моделях политики памяти (в рамках космополитической, антагонистической и агонистической памяти).
3. Сформулировать основные теоретико-методологические подходы к рассмотрению памяти о войнах, сложившиеся в современных *memory studies*.
4. Обозначить основные функции образов войны в политике памяти.
5. Выявить основные стратегии обращения к войне в политике памяти различных акторов.

Объект и предмет диссертационного исследования. *Объектом исследования* является политика памяти. *Предмет исследования* – образы военного прошлого в политике памяти.

Хронологические рамки исследования обусловлены формированием самого междисциплинарного комплекса *memory studies* и изучением военных коммемораций как отдельного направления исследований. Используемые в данном исследовании академические работы касаются преимущественно войн XX и начала XXI века. Тем самым, хронологические рамки работы можно определить как начало XX века – декабрь 2021 года.

Научная новизна исследования. Новизна исследования состоит в разработке теоретико-методологической модели, описывающей специфику войны как предмета политики памяти. Выработка такой модели основана на ряде других, более частных, результатах исследования, характеризующихся научной новизной:

1. Рассмотрена репрезентация памяти о войнах в рамках различных моделей политики памяти, различия между которыми определяют специфику интерпретации событий военного прошлого.
2. Составлена классификация основных теоретико-методологических подходов к рассмотрению памяти о войнах; в основу классификации был положен критерий основного актора (или множества акторов), через репрезентации которого транслируется память о войнах.

3. Описаны и классифицированы основные акторы политики памяти о войнах, действующие в условиях современной российской политической системы.
4. Через использование концепции явных и латентных функций социальных акторов Р. Мёртона выявлены основные функции образов войны в политике памяти.
5. Сформулированы основные стратегии обращения к войне в политике памяти.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования состоит в систематизации существующей методологии изучения политики памяти и памяти о войнах как её специфической составляющей. В ходе исследования сформулирована теоретико-методологическая модель рассмотрения памяти о войнах, в рамках которой, с одной стороны, память о войнах может быть рассмотрена в более широком контексте той или иной модели политики памяти (режима памяти / дискурса памяти) и того или иного методологического подхода, с другой стороны, обобщены и классифицированы основные функции конкретных акторов политики памяти и основные используемые ими стратегии.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения разработанной теоретико-методологической модели для других историко-политологических исследований, посвящённых коммеморациям конкретных военных событий. Практическое использование результатов исследования возможно при составлении учебных программ дисциплин социально-гуманитарного профиля, изучаемых в учреждениях высшего образования. В частности, в рамках преподавания военной истории возможно обращение к теме различных способов коммеморации военных событий. Влияние памяти о войнах на институциональные процессы в мировой политике и принятие решений актуально рассматривать в рамках курсов, посвящённых гуманитарным аспектам международных отношений. Продвижение определённой политики памяти по отношению к войнам прошлого как инструмент «мягкой силы» со стороны тех или иных групп может быть рассмотрено в рамках дисциплин, посвящённых современным информационным войнам, противодействию информационно-

психологическим атакам и защите исторической памяти. Перспективной также выглядит применение практических наработок этого исследования при изучении студентами юридических специальностей мемориального законодательства различных стран мира (в том числе посвящённого памяти о войнах) в контексте сравнительно-правовых и международно-правовых исследований.

Методологическая основа исследования. Разработку теоретико-методологических проблем в рамках междисциплинарного блока *memory studies* отличает отсутствие единой концептуальной рамки исследований. Дж. Олик подчёркивает общую «непарадигматичность» исследований социальной памяти. Изучение же такого сложного предмета как войны и образы войн неизбежно обуславливает применение дисперсной методологии, не концентрирующейся вокруг только лишь политологического инструментария. Тем не менее, методологический базис *memory studies* претерпевает изменения под влиянием общих тенденций в социогуманитарных науках. Л.П. Репина отмечала произошедший на рубеже тысячелетий «культурный поворот», охвативший гуманитарное знание. Кроме того, важной характеристикой современных исследований памяти является и «практический поворот», выражающийся, с одной стороны, в повышенном интересе учёных к эмпирическим исследованиям и анализу «кейсов» (что является источником для концептуальных обобщений), с другой стороны, в видении определённых практик как способов интерпретации прошлого.

Отсюда наиболее оптимальным при рассмотрении войны как предмета политики памяти видится ориентация на конструктивистскую методологию. При этом концептуальный каркас подобных исследований на основе конструктивизма должен, с одной стороны, избегать крайнего социологизма в духе Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса, а с другой стороны, «натуралистического» подхода и неразличения самого события и памяти о нём (что, к примеру, критиковал Дж. Александер применительно к исторической травме). Преимущественное рассмотрение социальных рамок памяти о войнах и акцент на политических механизмах их имплементации видятся разумными на основании российского

опыта изучения памяти о войнах. Так, фундаментальный для исторического сознания наших соотечественников образ войны – Великой Отечественной – претерпевал значительные изменения на протяжении последних десятилетий под влиянием политического контекста. Рассмотрение трансформации «мифа о войне» в российской политике памяти опирается на политико-текстологический метод и контент-анализ в вышеуказанных исследованиях О.Ю. Малиновой, Н.Е. Копосова, А.Ю. Бубнова.

Тематика войны в политике памяти с неизбежностью затрагивает исследования символической политики. Рассматриваемая в исследовании борьба мнемонических акторов за ценный символический капитал в виде памяти о войнах опирается на топологическую теорию П. Бурдьё³², интерпретации и практические применения которой для анализа поведения конкретных акторов представлены в работах Д.А. Аникина³³. Кроме того, Д.А. Аникиным обоснован собственный топологический подход к изучению коллективной памяти³⁴.

Рассмотрение многоакторности политики памяти (в т. ч. применительно к войнам прошлого) опирается на теории агонизма в политике Ш. Муфф и агонистической памяти (А. Буль, Х. Хансен, В. Канштайнер³⁵, Ш. Бергер³⁶).

Выделение функций социальных акторов применительно к их репрезентациям образов войн прошлого основывается на методологии разделения явных и латентных функций Р. Мёртона³⁷.

³² Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.; Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Начала. Choses dites: Пер. с фр. Шматко Н.А. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

³³ Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. №1, 2020. 24 с.

³⁴ Аникин Д.А. Топосы социальной памяти в обществе риска. Саратов. 2011. 141 с.

³⁵ Bull A., Hansen H., Kansteiner W., Parish N. War museums as agonistic spaces: possibilities, opportunities and constraints // *International Journal of Heritage Studies*. 2018. 15 p. DOI: 10.1080/13527258.2018.1530288

³⁶ Бергер Ш. «Агонистическая память открыта для бесконечного диалога в бахтинианском смысле». Интервью с Ш. Бергером / Ш. Бергер // *Историческая экспертиза*. 2020. № 1(22). DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-9-23

³⁷ Мёртон Р. Социальная теория и социальная структура / М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 873 с.

Задача выявления основных стратегий обращения к войне в политике памяти будет осуществлена, в том числе, с применением подходов Й. Рюзена и Ф.В. Николаи, где память о войне рассматривается как разновидность исторической травмы.

Кроме того, в данном исследовании применялись как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация), так и специальные: сравнительно-исторический метод (для выделения этапов трансформации коллективной памяти), системный метод (для рассмотрения поведения мнемонических акторов в рамках существующей политической системы).

Положения, выносимые на защиту:

1. В качестве отправного методологического базиса данного исследования предполагается признать принципиальную многоакторность самой политики памяти. В этой связи под политикой памяти подразумевается «целенаправленная деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик» (определение Д.А. Аникина)³⁸. Данное определение избегает крайностей дихотомических интерпретаций, в рамках которой политика памяти понимается как инструмент культурной гегемонии правящего класса или как директивная историческая политика, исходящая от государства.

2. В рамках различных способов памятования и соответствующей им политике памяти – космополитической, антагонистической и агонистической – репрезентации войны имеют свою специфику.

Космополитическая память стремится максимально дистанцироваться от темы войны, чтобы не нарушить консенсус вокруг дискурса о правах человека и сострадания к интернациональным жертвам прошлого. Антагонистическая память, напротив, предельно концентрирована на военной тематике и

³⁸ Аникин Д.А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. Том 12, выпуск 2. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2012. С. 36.

ориентирована на политическую борьбу за доминирование той или иной интерпретации военного прошлого. В агонистической памяти события прошлых войн рассматриваются как попытка высветить разногласия внутри общества и рассмотреть в историческом контексте точку зрения всех участников войны.

3. Исследования памяти о войнах в современных *memory studies* возможно классифицировать в три теоретико-методологических подхода:

- Государствоцентричный подход, где память о войне представляется как центральный образ формируемого видения прошлого, необходимого для поддержания национальной идентичности.
- Подход, апеллирующий к концепту «народной памяти». Применительно к памяти присутствует разделение частной памяти (образующей по совокупности естественную, или народную, память) и публичных представлений. Публичные представления обеспечиваются механизмами политики памяти, в рамках которой происходит селекция и подавление частных воспоминаний.
- Социально-акторный подход постулирует множественность мнемонических акторов, обладающих своими ресурсами, способами и формами трансляции образов прошедших войн. В рамках социально-акторного подхода на различных площадках артикуляции происходит постоянная борьба за память. Различные социальные акторы способны создавать свои «фреймы» памяти и «обрамлять» индивидуальные воспоминания. Разница в этих «фреймах» создаёт динамику коллективной памяти о войнах и оформляет борьбу различных акторов за доминирование своих военно-исторических нарративов.

4. Исходя из типологии явных и латентных функций социальных акторов по Р. Мёртону, можно выделить следующие функции образов войны в политике памяти:

- Функция легитимации / делегитимации;
- Функция консолидации / деконсолидации (связанная с формированием и трансформацией идентичности);

- Культурно-дипломатическая функция («мягкая сила»);
- Образовательно-воспитательная функция;
- Коммерческая функция (включающая в себя брендинговую функцию);
- Развлекательная функция (инфотейнмент).

5. Обобщая опыт современной теоретико-методологической рефлексии вокруг памяти о войнах, выделяются следующие основные стратегии обращения к войне в рамках политики памяти:

- забвение;
- героизация / сакрализация;
- травматизация / виктимизация (внутри данной стратегии можно выделить стратегию медиализацию памяти о войне как способ проработки травмы);
- тривиализация;
- деполитизация / деконтекстуализация.

Апробация результатов исследования.

Данная диссертация выполнена в ходе реализации грантового проекта РФФИ «Война как предмет политики памяти: основные теоретико-методологические аспекты» (проект № 20-311-90047).

Основные положения и выводы исследования были изложены в пяти научных публикациях, в том числе в трёх статьях, опубликованных в научных журналах, входящих в перечень Аттестационной комиссии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, и в одной статье, опубликованной в научном журнале, индексируемом в базе данных Web of Science³⁹.

³⁹ *Статья, опубликованная в журнале, входящем в Web of Science: Батищев Р.Ю. Культурная память населения Липецкой области в условиях миграционных вызовов: мемориальный конфликт или мнемоническая адаптация? // Журнал фронтальных исследований. 2020. Т. 5. № 2(18). С. 177-199. DOI 10.46539/jfs.v5i2.207.*

Статьи, опубликованные в журналах, входящих в текущий перечень Аттестационной комиссии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова:

Батищев Р.Ю. Теоретико-методологические подходы к изучению памяти о войнах в современных memory studies // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 3. С. 48-68.; Батищев Р.Ю. Теоретико-методологические аспекты рассмотрения памяти о войнах в основных моделях политики памяти // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. №

Основные положения и выводы исследования были представлены в устных докладах на пяти научных конференциях: XXVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов», секция «Политические науки» (10 – 27 ноября 2020); II Всероссийский военно-исторический форум «Георгиевские чтения» (РВИО, 11 декабря 2020); XXVIII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов», секция «Политические науки» (12 – 23 апреля 2021); Круглый стол «Региональная политика памяти в зеркале междисциплинарных исследований» в рамках Международной научно-практической конференции «Будущее нашего прошлого-7: историческая память и коммеморативные практики» (РГГУ, 26 – 27 ноября 2021); XXIX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов», секция «Политические науки» (19, 21 апреля 2022)

Диссертация прошла обсуждение на кафедре истории и теории политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова и получила положительное заключение.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, первой главы из двух параграфов, второй главы из трёх параграфов, заключения и списка использованной литературы.

12(76). С. 3420-3428. DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.001.; *Батищев Р.Ю.* Образы военного прошлого в политике памяти регионов Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Том 12. № 4 (85). С. 1215 – 1222. DOI: 10.35775/PSI.2022.85.4.015

Статьи, опубликованные в прочих научных журналах и изданиях: Батищев Р.Ю. Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 1. С. 34-42. DOI 10.15826/tetm.2021.1.005.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень разработанности проблемы, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, теоретические и методологические основы исследования, излагаются положения, выносимые на защиту, научная новизна исследования, а также теоретическая и практическая значимость работы.

Глава 1. «Теоретико-методологические основания исследования политики памяти о войнах» посвящена рассмотрению основных подходов к трактовке понятия «политика памяти», места и роли образов войны в основных моделях политики памяти, а также классификации основных теоретико-методологических подходов к изучению памяти о войнах.

В **параграфе 1 «Память о войнах в основных моделях политики памяти»** рассматриваются существующие подходы к определению понятия «политика памяти», которые можно условно разбить на дихотомические (признающие дихотомию государства и народа/гражданского общества в вопросах политики памяти) и многоакторные (где постулируется множественность акторов политики памяти о войнах). Последние рассматриваются как релевантные цели и задачам данного исследования.

Рассматривая память о войнах в основных моделях политики памяти (космополитической, антагонистической, агонистической), делается вывод, что антагонистическая память предельно концентрирована на теме войны, при том, что космополитическая память максимально дистанцируется от памяти о войнах с целью поддержания консенсуса. Агонистическая память использует образы военного прошлого как инструмент высвечивания противоречий и разногласий и формирования пространства диалога.

В **параграфе 2 «Основные теоретико-методологические подходы к исследованию памяти о войнах»** приводится классификация основных теоретико-методологических подходов к анализу памяти о войнах: государствоцентристский подход, постулирующий главную роль государства в формировании памяти о войнах; подход, апеллирующий к понятию «народная

память», которая рассматривается как «естественная память» общества, противопоставляющая траур и скорбь официальной исторической политике государства; социально-акторный подход, в котором обозначается множественность мнемонических акторов, обладающих своими ресурсами, способами и формами трансляции образов прошедших войн.

В рамках социально-акторного подхода на различных площадках артикуляции происходит постоянная борьба за память. Различные социальные акторы способны создавать свои «фреймы» памяти и «обрамлять» индивидуальные воспоминания. Разница в этих «фреймах» создаёт динамику коллективной памяти о войнах и оформляет борьбу различных акторов за доминирование своих военно-исторических нарративов.

Глава 2 «Образы войны в политике памяти: основные акторы, функции и стратегии репрезентации» посвящена использованию различными акторами образов войны в политике памяти.

В параграфе 1 **«Основные акторы политики памяти о войнах (на примере современной Российской Федерации)»** приводится классификация акторов политики памяти о войнах на примерах современной российской политической системы. Классификация проводится по двум критериям: первый критерий – государственные / негосударственные акторы, второй критерий – отношение акторов к войне (акторы, действующие на постоянной основе, и акторы, порождённые самой войной). По этим двум критериям сформирована соответствующая таблица с классификацией современных российских акторов политики о войнах.

Параграф 2 «Основные функции образов войны в политике памяти» содержит следующую классификацию функций: функция легитимации / делегитимации, функция консолидации / деконсолидации, культурно-дипломатическая функция («мягкая сила»), образовательно-воспитательная функция, коммерческая функция (включающая в себя брендинговую функцию), развлекательная функция (инфотейнмент). Рассмотрение функций акторов опирается, во-первых, на социологическую теорию Р. Мёртона и выделение

явных и латентных функций социальных акторов, во-вторых, на ряд эмпирических исследований, посвящённых конкретным военным коммеморациям.

В параграфе 3 «Основные стратегии политики памяти о войнах» приводится классификация основных стратегий политики памяти, обусловленных возможными функциями образов войны. Выделяются следующие стратегии: забвение, героизация / сакрализация, травматизация / виктимизация (внутри данной стратегии можно выделить стратегию медиализацию памяти о войне как способ проработки травмы), тривиализация, деполитизация / деконтекстуализация.

В заключении обозначены основные выводы и результаты диссертационного исследования. В ходе диссертационного исследования была выработана теоретико-методологическая модель исследования памяти о войнах со стороны тех или иных акторов политики памяти. В рамках этой модели, с одной стороны, память о войнах может быть рассмотрена в более широком контексте той или иной модели политики памяти (режима памяти / дискурса памяти) и того или иного методологического подхода, с другой стороны, обобщены и классифицированы основные функции конкретных акторов политики памяти и основные используемые ими стратегии. Практическая значимость исследования состоит в возможности применения разработанной теоретико-методологической модели для других историко-политологических исследований, посвящённых коммеморациям конкретных военных событий.

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены в 5 научных публикациях общим объёмом 8,085 п.л., в том числе в 4 публикациях (объёмом 7,0455 п.л.) в журналах, рецензируемых в Web of Science и рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности.

Статьи, опубликованные в научных изданиях, рецензируемых в Web of Science, RSCI

1. *Батищев Р.Ю.* Культурная память населения Липецкой области в условиях миграционных вызовов: мемориальный конфликт или мнемоническая адаптация? // Журнал фронтальных исследований. 2020. Т. 5. № 2(18). С. 177-199. DOI 10.46539/jfs.v5i2.207. Импакт-фактор РИНЦ – 0,375
2. *Батищев Р.Ю.* Теоретико-методологические подходы к изучению памяти о войнах в современных memory studies // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 3. С. 48-68. Импакт-фактор РИНЦ – 0,286

Статьи, опубликованные в изданиях Перечня ВАК, включенных в дополнительный список рецензируемых научных изданий по политическим наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М.В.

Ломоносова

3. *Батищев Р.Ю.* Теоретико-методологические аспекты рассмотрения памяти о войнах в основных моделях политики памяти // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 12(76). С. 3420-3428. DOI 10.35775/PSI.2021.76.12.001. Импакт-фактор РИНЦ – 0,321
4. *Батищев Р.Ю.* Образы военного прошлого в политике памяти регионов Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений.

2022. Том 12. № 4 (85). С. 1215 – 1222. DOI: 10.35775/PSI.2022.85.4.015.
Импакт-фактор РИНЦ – 0,274

Другие публикации

5. *Батищев Р.Ю.* Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 34-42. DOI 10.15826/tetm.2021.1.005. Импакт-фактор РИНЦ – 0,245